

Ольга Тустоши́нская
КРОВНИКИ

Ольга Пустошинская

Кровники

«Автор»

2022

Пустошинская О.

Кровники / О. Пустошинская — «Автор», 2022

Повесть основана на реальных событиях. 1890 год. У одиннадцатилетней Прасковьи погибает отец, перед смертью он успевает передать дочери свою силу знахаря, о которой никто в семье не подозревал. Проходит много лет, Прасковья исцеляет людей и домашний скот, но когда случается беда со старшим внуком Колей, бабушка оказывается беспомощной: кровным родственникам её дар не помогает.

© Пустошинская О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Отсрочка	10
В Старый город	17
Татка и её проказы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ольга Пустошинская

Кровники

Пролог

1890 год

Запряжённая в сани Карька бежала резво и весело, радуясь морозцу, солнцу и снегу. Михаил видел её гладкий круп с пышным хвостом, дугу и тёмную голову с острыми ушами в дымке пара, а впереди – далеко растянувшийся обоз. Снег поскрипывал под полозьями, солнце слепило глаза, а вокруг простиралась белая равнина от края до края.

Ехали в Бузулук на зимнюю ярмарку, сено продать, солому, зерно и купить кое-чего для хозяйства. Путь не близкий – семьдесят вёрст. Михаил привалился к стожку, пахнущему разнотравьем, и спрятал нос в широкий воротник тулупа. Мороз, однако!

Ещё накануне жена Ульяна записала на клочке бумаги всё, что требовалось купить. Возведя глаза к потолку, она шевелила губами и шептала: «Ситцу четыре аршина... гусарики Параньке на весну... вдруг после не получится поехать... сахару...» Потом мусолила карандаш и царапала каракули на бумажном лоскутке.

– Параня, а тебе чего купить на ярмарке? – спросил Михаил и посмотрел на единственную дочь, сидящую у окна с каким-то рукоделием.

Дочка задумалась на минутку, отвела от лица светлую прядку волос:

– Конфетки, какие ты прошлый раз привозил.

– Это какие?

– Жёлтенькие, в бумажках. Ты сказывал, из магазина Коншиных, помнишь, тять?

– Будут тебе конфетки.

При мысли о Паране у Михаила сморщились в улыбке губы. Умница-разумница растёт!

Снежная пыль летела в лицо, застревала в усах.

– Но, Карька, давай милая! До темноты поспеть надо!

К вечеру обоз приехал в Бузулук. Михаил распряг лошадь и завёл её в конюшню постоялого двора, а сам пошёл с мужиками-соседями отогреваться сбитнем и палящим чаем.

Переночевали, а утром ни свет ни заря поднялись – и на ярмарочную площадь, заняли места в сенном ряду. Михаил поставил Карьку рядом с Ефимовым Воронком, тихо рассмеялся: «Коль мы с тобой соседушки, то и здесь рядышком постоим!»

Через какой-то час-другой на площади сталолюдно и весело. Где-то пела невидимая гармонь, звенели бубенцы на шапках скоморохов, гудели дудки.

«На Петровскую ярмарку Параньку с собой возьму, – подумал Михаил, – лестно девчонке будет. Всё про карусели спрашивает, интересно ей».

Зимой на ярмарке ставили высоченные горки, залитые водой, а летом – карусель с почти взаправдашними лошадами под шатром, над которым развевался узкий флажок.

Мороз не давал стоять на месте, Михаил притопывал валенками, хлопал руками в рукавицах. К обеду он продал всё сено, немного сбавив цену, и весьма довольный отправился побродить по торговым рядам и лавкам.

Ярмарка шумела. У прилавков и саней с товарами толпились люди: смотрели, щупали, приценивались и торговались. В глазах рябило от тюков пёстрого ситца, сукна, нарядных шалей и платков. Слышалась русская речь, отрывистая татарская, казахская, киргизская...

Михаил прошёл к месту, где торговали зерном и мукой, купил у татарина с юркими чёрными глазами пуд пшеничной муки – побаловаться белыми пирогами к Рождеству, отнёс в сани. В скобяной лавке выбрал несколько скоб на двери. В обувном магазине купца Соколова

приценился к красным ботиночкам на каблучках – гусарикам, вытащил из кармана мерку из верёвочки и сказал приказчику:

– Тот такие мне, мил человек. Для дочки.

Приказчик в серой жилетке, из кармана которой полукругом свисала серебряная цепочка от часов, улыбнулся и выложил на прилавок несколько пар ботинок. Михаил пощупал кожу, постучал согнутым пальцем по подошве и выбрал самые лучшие гусарики, красного цвета.

– Высший сорт! – заверил приказчик и уложил обувь в коробку. – У Ксенофонта Евгеньевича второго сорта не бывает.

Михаил расплатился и вышел на морозную улицу, приблизился к длинному двухэтажному зданию, где на первом этаже находилась мучная лавка, магазины и аптека со змеей и чашей на вывеске. Ишь, какая гадина!

Михаил открыл дверь кондитерской. Здесь толпился народ, глаза на витрины, и запах стоял такой, что хозяину Гильдебрандту следовало за вход по копейке с носа брать. Пахло миндалём и мёдом, пряным и сладким, сдобной выпечкой и шоколадом. В витринах были красиво разложены пирожные с кремом по три копейки за штуку, вафли решёткой, торты, плюшки, слойки, миндальное печенье, французские булки... Торговля шла бойко: на ярмарке народ всегда при деньгах.

У Коншиных Михаил купил конфет, которые Параня заказывала, сахару и нанизанные на верёвочку баранки. Толпа вынесла его к магазину Киселёвых с высокими окнами, украшенными лепниной. Чего только там не было! Михаил очутился в зале с огромными столами с застекленным верхом – витринами – с образцами конфет всевозможных сортов, лежали разноцветные шоколадные плитки в слюде с картинками. Здесь же отвешивали пряники и орехи, чай, кофе, какао и пряности.

Во втором отделе всё сверкало и блестело: стояли на полках пузатые медные, никелированные и серебряные самовары, хрупкая чайная и столовая посуда из фарфора и фаянса. Из таких только господам чай распивать!

В третьем отделе продавалось столовое серебро, солонки, лампадки; крестики золотые и серебряные, кольца, брошки, медальоны... Рядом стояли иконы в серебряных ризах и из фольги.

Михаил прошёл дальше и попал в хозяйственный отдел. За прилавком громоздились ведра, цинковые корыта, краска, обои в больших рулонах. А мебель-то какая! Деревянные столы, стулья венские с гнутыми спинками, кровати, комоды, буфеты резные со стеклом, запирающимися на маленький ключик. Были и музыкальные инструменты: балалайки, гитары, мандолины, гармони. Богатый магазин!

Михаил вышел на улицу, в гомонящую толпу. В весёлой кутерьме мелькали румяные лица, белые, смуглые со щёлочками чёрных глаз, бородастые.

Хороша ярмарка, а летом ещё лучше. На Петровскую пригоняли скот: табуны киргизских лошадей, уральских, сибирских; коров, овец, свиней и длинношеих медлительных верблюдов, которые смотрели на всех свысока, презрительно оттопырив губу.

Михаил услышал бой барабана и поспешил на этот звук. На небольшом пяточке, окружённом людьми, стоял поводырь с бурым медведем на цепи. Рядом приплясывал, выделявал коленца ряженный козой мальчик, а долговязый нескладный парень в кургузой курточке колодил в барабан.

– А ну-ка, Михайло Иваныч, покажи, как солдат с ружом ходит! – выкрикнул поводырь и подал медведю кривую палку.

Мишка взял «ружо», взвалил на плечо и стал ходить туда-сюда на задних лапах, как часовой.

Смех прокатился по людской толпе.

– А теперь, Михайло Иваныч, покажи, как жена любимого мужа приголубливает!

Медведь опустил тяжёлые лапы на плечи мужика-поводыря, потянулся мордой и стал облизывать ему нос, рот и щёки.

– Ай, молодец, жёнушка! Крепче, крепче целуй! – слышались весёлые возгласы.

– Да он губы мёдом намазал!

– Дак и ты намажь! – хохотнула крепенькая кругленькая бабёнка в нарядной шали. – Твоя Анфиска сладенькое любит!

В конце представления мишка прошёл на задних лапах по кругу с шапкой. Зазвенели копейки, пятаки и гривенники. Михаил закинул мешок на плечо и пошёл поглазеть, как девки с визгом и смехом с горки катаются...

Через три дня собрались домой, в Ефимовку. Ярмарка закончилась, сено и зерно распроданы, подарки жёнам и детишкам куплены – можно ехать. С утра погода начала портиться: ветер с сухим шелестом гнал по дороге позёмку, вздымал и кружил в воздухе снежинки.

Тронулись. Сосед Ефим впереди, Карька – в хвосте обоза. Проехали пятнадцать вёрст, и Михаилу показалось, что выжить стало сильнее.

«Доедем... – подумал он, – Карька – умная лошадь». Повозился, спрятал лицо в воротник тулупа, пахнувшего овчиной, пригрелся и незаметно для себя задремал.

Когда Михаил открыл глаза, то не увидел ни дороги, ни идущего впереди обоза. Дул ледяной ветер, разыгралась настоящая метель, и лошадь едва переставляла ноги, увязала в снегу. Отстал!

– Но-о, Карюшка! Догоняй наших, милая! – закричал возница.

Ветер выл и свистел, трепал былинки сухого ковыля, торчащего из-под сугробов, пригибал к земле редкие кусты, швырял в лицо и за воротник снежную крупу, но Михаил не чувствовал холода. Соскочил с саней, взял лошадь под уздцы и повёл. Напрасно он смотрел под ноги: метель замела все следы: не видно отпечатков конских копыт, полос от саней. Да не сбились ли они с пути? Сколько бы Михаил ни напрягал зрение, видел впереди лишь туманную пелену снежинок.

– Ефи-и-им! Семё-о-он!

Ветер забил дыхание, закружил крик и унёс в высоту. Михаил вытер мокрое лицо рукавицей и пробормотал, тяжело дыша: «Врёшь... выберусь...» Он потерял счёт времени, и когда стало совсем темно, понял, что наступил поздний вечер.

Михаил очень устал и озяб, но об отдыхе и не помышлял, позволил себе лишь недолгую остановку, чтобы дать отдышаться Карьке, зачерпнул пригоршню снега и отправил в рот. Потом забрался в сани и тронул лошадь.

Дорогу замело, и Михаил пробирался наугад. Ветер бил порывами, гудел и свистел, но и через этот свист был слышен шорох несущегося снега. Вокруг не было видно ни одного приметного кустика или деревца, ни единой зацепочки. Михаил долго ехал, понукая Карьку, и вдруг ясно понял, что сбился с пути, и это не дорога, а голая степь. Укрыться бы где-нибудь в тихом месте и переждать клятую пургу, а утром посветлу выбираться. Хоть бы казахская юрта попалась...

Он выбрал место, где как будто мело не так сильно, и остановился.

– Ничего, Карька, выберемся... – прошептал возница, поглаживая тяжело дышавшую лошадь, – я не могу помереть вот так...

Вечером вернулся в село обоз, и только тогда заметили, что Михаила нет. Заплутать зимой в степи – это верная гибель, поэтому бы как ни устал Ефим, развернул Воронка и поехал обратно, а с ним ещё несколько мужиков.

Ульяна всю ночь не сомкнула глаз, стояла у окна и смотрела на беснующуюся метель.

– Ох, Господи... спаси и сохрани!

– Мам... – вдруг раздался с печи шёпот Прасковьи.

– Не спишь, Пашенька?

– Не сплю... Я молюсь, чтобы боженька тятю к дому вывел. Ты, мам, лампадку зажги, она тятеньке путь укажет.

Ульяна послушала дочку и затеплила лампадку возле иконы Христа Спасителя.

И утром не вернулся Михаил. Метель не утихла, а стала ещё сильнее, намела во дворе сугробы до окон. Всё валилось у Ульяны из рук, ничего не ладилось. Выгребала золу – рассыпала, чашку ненароком со стола смахнула; принялась ржаные пирожки стряпать и замерла у печи с пустой сковородкой, постаревшая, с тёмным лицом, не похожая на себя.

Вдруг забрежал цепной пёс Волчок. Подпрыгнуло сердце у Ульяны, бросилась она к окну. К её огорчению и слезам, на крыльце стоял не Михаила, а сосед Семён в запорошённой снегом душегрейке.

– Не вернулся Мишка? – спросил он, хотя уже понял по суровому лицу Ульяны, что хороших известий нет.

Она покачала головой. Семён топтался у порога, снег растаял на его валенках.

– А то я подумал: вдруг проскочил, а мы не заметили. Ты не сумлевайся, найдём Мишку. Чай, не иголка... Вечером приедет, вот увидишь.

Но и вечером не вернулся Михаил.

В трубе завывал ветер, нагонял тоску. Ульяна не отходила от окна, изнемогая от страха за мужа. Она глянула на печь, где притихла Параня, набросила на голову длинную шаль и вышла за ворота. Постояла, вглядываясь в туманную темноту: не покажется ли Карька?

«Эвон как метёт, а в степи-то что творится! – подумала Ульяна, и сердце защемило. – Разве к Арине сходить?.. Сказывают, карты раскидывает хорошо». Она сомневалась недолго, запахнула шаль и, отворачиваясь от ветра, заторопилась к дому гадалки.

Тётка Арина всё поняла, едва взглянула на припозднившуюся гостью, вздохнула:

– Значит, не вернулся Михаил... Заходи. Я уж спать собиралась, да смотрю: Мурка у порога гостей намывает – знать, придёт кто-то.

Ульяна привалилась к стене и залилась слезами:

– Погадай, Аринушка. Что с ним, живой ли? Вернётся ли?

Арина поправила на груди пышную кофту, в вырезе которой сверкнула нитка жёлтых бус, достала из ящика колоду карт. Старые засаленные карты шлёпались на столешницу, и Ульяна почувствовала, как стынут от страха руки и ноги. Гадалка долго молча смотрела на седовласого короля в золотой короне, на даму с жёлтым цветком в тонкой руке.

– Живой твой муж.

– Слава Богу!

– Живой, но сил у него нет, – продолжила Арина. – Домой вернётся, увидишь его... только, милая моя, умрёт Михаил скоро, смерть его рядом ходит. По судьбе так выпало, а судьбу не обманешь.

Ульяна остановившимся взглядом смотрела, как гадалка смешала карты, перетасовала и убрала в ящик стола.

– Ты неправду сказала... – трудно проговорила Ульяна, – обманываешь.

Она поднялась и, пошатываясь, побрела к двери.

Метель наконец стихла. Карьке давно хотелось есть, она почувствовала запах сена в саях и тоненько заржала. Хозяин не отозвался и не подошёл, он по-прежнему лежал в саях молча и не шевелясь.

Карька вытянула шею. Откуда-то издалека, за много вёрст ветер донёс до чутких ноздрей запах конюшни. Карька насторожилась, уши встали торчком. Она нерешительно потопталась, а затем пошла через сугробы на этот едва уловимый запах, увлекая за собой сани. С каждой верстой он становился всё отчётливее, и вот Карька выбралась на дорогу, увидела следы копыт, кучки конского навоза и две полосы – недавно здесь проехали сани. Кобыла побежала резвее, туда, где её дом и конюшня, а в конюшне еда, питьё и долгожданный отдых.

Недалеко от берега реки показалась Ефимовка – большое село, почти пятьсот дворов. Карька пробежала мимо деревянной церкви с колокольной, мимо Поповки, повернула на знакомую улицу и остановилась у ворот своего дома.

В окне мелькнула тень, потом хлопнула дверь, и на крыльцо выскочила простоволосая хозяйка, а следом Параня в валенках на босу ногу.

– Миша! Мишенька!

Ульяна бросилась к саням, затормозила лежащего на соломенной подстилке мужа, заголосила. В лице у Михаила не было ни кровинки.

– Живой тятка, живой! – закричала Параня. – Он глазами моргнул!

Они вытащили из саней замёрзшего Михаила и занесли в жарко натопленную кухню, положили на широкую скамью.

– Сейчас, миленький, сейчас... – плакала и шептала Ульяна, – сейчас мы тебя согреем...

Она растегнула на муже тулуп, стащила валенки и с причитаниями принялась растирать белые руки и ноги.

У Михаила задрожали ресницы, он открыл глаза и слабо застонал.

– Мишенька! Очнулся, слава тебе... Что?.. Чего ты хочешь?

Михаил вдруг тяжело, с хрипами задышал, как будто ему перестало хватать воздуха, на лбу появились капли пота. Он силился что-то сказать и не мог, только тянул руки к дочери. Та схватила и стиснула дрожащие отцовские пальцы.

– Тятенька, не умирай! Тятка!

Через несколько минут Михаил умер от сердечного приступа.

Похоронили его на сельском кладбище, поставили скромный деревянный крест на могиле. Жалели: хороший мужик был Мишка Исаев!

После смерти отца Прасковья поняла, что в ней появилась сила, которой раньше не было. Может быть потому, что за руку тятку держала, когда тот умирал. Она не мучилась догадками: пришло – значит так должно быть. Всё принимать надо, что Богом дано. Лечить стала молитвами, отливать растопленным воском, разбираться во всех знаках, как будто кто-то годами её этому учил.

Отсрочка

Народу в трамвай набилось до отказа, как всегда в вечернее время. Некоторые счастливицы сидели на деревянных скамейках и ехали с комфортом, хотя и относительным: пол ходил ходуном, пассажиры цеплялись за ручки на ремнях, наступали сидящим на ноги и норовили свалиться им на колени.

Трамвай в Ромске появился всего-то несколько лет назад, в сорок восьмом, а ведь линию начали строить ещё до войны – помешала проклятая. Привезли из Куйбышева несколько коричневых деревянных вагонов, отремонтировали, и затренькали трамвайные звонки на городских улицах.

Внутри вагона Кольке пробраться на этот раз не удалось. Он висел на высокой ступеньке, держась за поручень, благо двери не мешали. У трамвая они были чисто символическими: узкими, фанерными, закрывающимися вручную. Впрочем, когда они закрывались-то? Ну разве зимой в морозы, в полупустом вагоне. При движении распахивались хлипкие створки, кружилась снежная пыль на задней площадке. Часто нерадивые пассажиры выходили не на остановке, а где им надо, некоторые и запрыгивали на ходу. Не двери, а одна видимость.

А вот подножки у трамваев были большими. Детвора и многие взрослые катались на ступеньках, не обращая внимания на ругань кондукторш. Девушки нарочно ездили на подножках – форсили. Ветер бил в лицо, трепал волосы, красиво развеивал подол платья. Шик!

– Проспект Сталина! – крикнула кондукторша.

Колька дождался остановки и спрыгнул с подножки. Пересёк дорогу и зашёл в Файкин магазин за конфетами для самой младшей сестрёнки Наташки. Файкин – потому что там работала знакомая продавщица Фая.

– Здравсте, тётя Фая! По сто граммов подушечек и барбарисок.

Продавщица принялась не спеша взвешивать конфеты. Она и всегда-то работала неторопливо, а если в магазин заглядывал Коля, движения Фаи становились ещё медленнее.

– Братишкам и сестрёнкам гостинцы, да? – спросила она, задерживая взгляд на улыбочивом Колькином лице. И по глазам было видно, что сбросить бы Фае лет двадцать, ух, закурила бы!

– Не напасёшься на такую ораву! – рассмеялся Коля. – Это Наташке. Половину спрячу, а половину отдам. Хитрюга маленькая, сама в пиджак лезет, знает, что там конфетки.

Колька заплатил, убрал кулёчки в карман и вышел на улицу. Его большой пятиэтажный дом находился всего в шаге от остановки. Коля повернул за угол, покосился на детскую площадку с песочницей, качелями и турником – не гуляет ли бабушкой с Наташкой? – и прошёл к своему подъезду.

– Здравствуй, Коля.

Ну вот, опять Полина. Странно это: живёт в соседнем доме, а на скамейке сидит почему-то у чужого подъезда. Слишком часто последнее время стал видеть её Николай. Он поздоровался и заметил, как порозовело бледное Полино лицо, даже веснушки пропали.

Колька поднялся на второй этаж, вошёл в общий коридор коммуналки. В их квартире две комнаты. Одну из них, бабушкину, и комнатой-то назвать можно с натяжкой: она маленькая и без окна. Помещается там кровать, пара стульев и тумбочка с электроплиткой. К бабушке часто приходят незнакомые женщины, она запирается с ними, и из-за закрытой двери долетает слабый запах расплавленного воска и лёгкий шепоток.

Коля разулся, чтобы не топтать чистый пол, заглянул в комнату.

– Николаша... – поднялась навстречу бабушка, и её доброе лицо под белым платком засветилось улыбкой. – Ужинать будешь?

– Нет, после... Наши где, на стройке?

– А то где же.

Стройкой называли участок земли, выделенный от завода. Отец – мастер на все руки, дом сам строит, дети помогают. Четыре просторных комнаты, кухня, веранда, баня... Семья большая: отец с матерью, бабушка да детей пятеро. А могло быть восемь – трое Колиных братьев умерли во младенчестве.

Подбежала Наташка, трёхлетняя сестрёнка, последыш.

– А что я принёс Татке? – заулыбался Колька. – Ну-ка, ну-ка поищи!

Наташка взвизгнула и полезла в Колькин карман.

– Балуешь ты её, Николаша, куда ей сёсть, – покачала головой бабушка, а внучке строго сказала: – Одну возьми, после супа съешь. Остальные в буфет уберу, по конфетке выдавать буду.

Николай ушёл за занавеску, которая перегораживала комнату на две неравные части, переделся и повесил в шкаф коричневый костюм в полоску. Снял со стены чёрные боксёрские перчатки со шнуровкой. Натянул их, полюбовался кожаными кулаками и несколько раз ударил в стену.

– Бабуль, я на тренировку!

– Иди, Николаша, иди, – ласково отозвалась та, – может, знаменитым будешь, по радио о тебе скажут. Мол, Трифонов Николай выиграл вазу.

– Кубок, бабуль.

– Кубок? Ну пускай будет кубок...

Колька повесил перчатки через плечо и вышел в подъезд. Он любил носить их именно так, чуточку рисуясь: пусть все видят. Бокс – это серьёзно.

Полина всё ещё сидела на скамейке, положив рядом аккуратно свёрнутый плащ.

«Ждёт кого-то, что ли?» – рассеянно подумал Колька и молча прошёл мимо. Поля была, как говорили женщины в их коммуналке, девкой-вековухой, незамужней и бездетной, что и неудивительно по их мнению: бог не дал Полине красоты. Соседка Муся возражала, что дело вовсе не в красоте, она видела тёток ничуть не симпатичнее, но с мужьями и детьми. Не за кого замуж выходить-то, ровесники с войны не вернулись.

Был бы Колька повнимательнее, он бы заметил, что Поля наряжена в лучшую одежду, какую в будни не носят: белую блузку с круглым воротничком и чёрный сарафан, на ногах чулки и туфли на каблучках. Лицо густо напудрено, чтобы скрыть веснушки, губы накрашены.

– Коля!

– Что?

– Ты в «Серп и молот» идёшь?

– Ну да. На тренировку. – Он дёрнул плечом.

Поля хотела что-то сказать, но голос осип и не слушался. Колька, высокий и ладный, отвернулся и в ту же секунду забыл о ней, пошёл по дороге быстрым шагом.

Поля вздохнула: Николай очень ей нравился, да только на фонарный столб у дороги он обращал больше внимания, чем на неё. На столб, пожалуй, чаще смотрел. Коля, несомненно, красавец: двадцать два года, высок, в плечах широк, в серо-голубых глазах смешинки пляшут. Каждую ночь эти глаза Полине снились. Во снах он смотрел только на неё, а не на молоденьких девчонок, которые вились вокруг пчёлками. Вот опять какая-то вертихвостка подскочила. Улыбается, чуть ли не на шею вешается.

Едва не заплакала Поля от досады. Ну почему она такая нерешительная? Ведь сегодня весь день на работе обдумывала разговор под стрекотание швейных машинок. Прибежала домой, нарядилась, нарядилась и заняла пост на лавке. Хотела напроситься в «Серп и молот», посмотреть, как Колька боксирует. И не смогла!

Полина не красавица, она сама знала об этом: тощая фигура, большой нос картошкой, который не спрячешь под слоем пудры, маленькие глаза. Подружки замужем, по второму-тре-

тёму ребёнку нянчат, а она и не дружила ни с кем всерьёз. Мать успокаивала, что счастье и на печи найдёт, но что-то не больно торопится оно, это счастье! Сидеть на печке и ждать принца – гиблое дело, до старости не дождёшься.

Поля поднялась и побрела к своему подъезду, едва переставляя ноги. Матери дома не было, к счастью. Полина упала ничком на аккуратно заправленную кровать и разрыдалась, выла по-бабьи, с причитаниями, не заботясь, что могли услышать соседи. Потом затихла мало-помалу, успокоилась.

На выходных Поля неожиданно собралась в деревню, где родилась и выросла. Сказала матери, что хочет навестить старую тётку, увидиться с соседями.

– Что так вдруг? – удивилась мать. – Обожди недельку, на праздник поедешь.

– Нет, на Первомай не могу, на демонстрацию хочу пойти. На попутке доеду, не волнуйся, я не маленькая.

Полина сбегала в сберкасса и Файкин магазин за гостинцами: пряниками, конфетами, колбаской. Сложила свёртки в сумку и уехала на автовокзал.

В автобусе Полю тошнило от тряски и запаха бензина, она морщилась, комкала влажными руками платочек. За окном мелькали поля с редкими голыми деревьями и чудом уцелевшими грязными островками снега.

Поля почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и незаметно скосила глаза: впереди справа сидел незнакомый парень в потёртом пиджачке и кепке с пуговкой. Она успела разглядеть тёмный чуб и весёлые карие глаза.

«А он ничего... Плюнуть бы на задаваку Кольку и познакомиться с этим парнем, ведь не просто так он смотрит!» – подумала Полина, но тут же строптиво тряхнула головой. Нет, она любит Николая и не собирается отказываться от него. Девушка уставилась в окно, как будто там был не унылый пейзаж, а невеста что интересное, и незнакомец отвёл глаза.

Автобус остановился возле зелёного навеса с наклеенными внутри листочками объявлений. «Продам дом», «Продам корову», «Куплю сепаратор»... Ну вот и приехала.

Полина перешла шоссе и спустилась к барaku-общежитию, белеющему свежей извёсткой. Там во время уборочной жили девушки, которых присылали работать на элеватор. В бараке было весело: там толклись местные парни, слышался смех и треньканье гитары. Матери это не нравилось, она хмурилась и стучала пальцем по столу: «Полька, смотри у меня! К бараку ни ногой!»

По берегу речушки бродили чьи-то гуси с метками синей краски на белоснежных крыльях (чтобы хозяйки не путали), птицы повернули длинные шеи в Полину сторону, загоготали. Она с опаской прошла мимо и быстро зашагала к дому тётки Зинаиды, от души надеясь не встретить по пути никого из знакомых.

Тётка возилась в огороде: укрывала грядки старыми оконными рамами, чтобы быстрее взошла редиска. Увидела гостью, всплеснула перепачканными в земле руками.

– Полинка! – И тут же заволновалась: – В гости приехала, иль случилось чего?

– Нет, тётечка, ничего не случилось, просто проведать приехала.

– Как мамка?

– Мамка? Хорошо. Прихварывает только, а так всё хорошо.

– Ну идём в дом, идём... Ты никак замуж собралась? – спросила Зинаида, топая галошами. – Небось на свадьбу приглашать приехала.

Поля ненатурально рассмеялась:

– Нет пока, но скоро приглашу.

– Приеду, если пригласишь. Я люблю на свадьбах гулять!

В доме было тепло от топившейся печки (тётка объяснила, что сыро, приходится подтапливать), пахло парным молоком и кислым тестом. Поля выложила на стол гостинцы и, слушая тёткино воркование, подумала, что к бабке Воронихе лучше заглянуть вечером, когда стемнеет. Совсем ни к чему Зинаиде знать, к кому пошла племянница.

Тётку разморило после двух стопок самогона и обильной еды. Она почувствовала усталость, начала зевать и улеглась спать, едва старые часы успели пробить девять раз.

Полинка послушала басовитый храп, тихонько рассмеялась и выскользнула из дома, прихватив сумку.

Воронихе полагалось жить в одиночестве на краю леса, в какой-нибудь избушке на курьих ножках: бабка была из колдуний. Но жила она в самом обыкновенном доме, и не одна, а со старым, тугим на ухо мужем.

В окнах горел – хозяева не спали. Полина нерешительно потопталась на крыльце и потянула ручку разбухшей двери. Та со скрипом поддалась.

– Баба Настя, вы дома? – спросила Поля.

– Дома, дома...

Старуха Ворониха сидела за столом и скоблила ножом закопчённую сковородку. Бабка мельком взглянула на девушку и, не прекращая занятия, кивком указала на высокий табурет. Поля присела на краешек, и вся её решительность куда-то пропала. Бежать, бежать, пока не поздно! Но от страха ноги стали чужими и слабенькими.

– Вы помните меня? Я здесь жила... давно, – сглотнув тягучую слюну, сказала Полина.

– Может, и жила, – равнодушно согласилась Ворониха, – а сейчас чего вернулась?

– По делу. Я слышала, что вы можете сделать так, чтобы... мне один парень нравится, а он...

– Не любит тебя, – кивнула бабка, и провалившийся её рот сложился в недобрую улыбку. – А от меня что тебе надобно?

– Я знаю, вы можете сделать, чтобы и он полюбил, – упавшим голосом сказала Поля.

– Я много чего могу. – Ворониха наконец убрала сковородку и уставилась на гостью немигающим тяжёлым взглядом из-под набрякших век. – Ох, много... Если ты сюда заявила, то всё решила. Вещь его нужна, а за труды – триста рублей.

Сумма ошеломила Полину. Её зарплата – получка, как говорили на фабрике, всего тысяча. Триста рублей – очень дорого, но что поделать, отступать поздно. Знала ведь, что Ворониха много берет, потому и бегала в сберкаассу.

Непослушными руками Полина расстегнула замочек сумки, достала Колину старую рубашку, которую, обмирая от страха, украла накануне с бельевой верёвки; покопалась в кошельке и положила на стол деньги.

Ворониха смахнула купюры в подол фартука, как смахивают мусор.

– Сделайте так, чтобы Коля только со мной был, – подняла глаза Полина.

– Сделаю, сделаю. Только твой будет. А ежели не твой, то ничей. Снять приворот абы кто не сможет, такую бабку ещё поискать надобно. Не одну пару подмёток истрепать, покуда найдёшь. – И старуха засмеялась. – Давай рубаху-то... Можешь посмотреть, а страшно – так глазыньки закрой или отвернись.

Поля испугалась ещё больше и зажмурилась.

Наступило утро Первого мая.

Полина проснулась рано, нажала кнопку будильника, чтобы не тревожить мать: она всю ночь плохо спала, ворочалась и кряхтела.

Солнечные лучи пробирались через щель в занавесках, золотили пол и стены их единственной, скромно обставленной чистенькой комнаты. Поля набросила байковый халатик, влезла в тапки и вышла в общий коридор.

Соседи уже не спали: за дверями ходили, разговаривали, двигали стульями и звенели посудой. Поля подумала: «Тоже собираются на демонстрацию». Она любила Первомай, любила с портретом Сталина и с криком «ура» пройти в колонне мимо трибуны. Потом во дворе обычно устраивали застолье вскладчину, пели и танцевали под гармонь или патефон.

Полина согрела чайник на примусе, выпила чашку сладкого чая и съела кусок хлеба с маслом. Посмотрела на часы: пора собираться.

Мать успела проснуться, сидела на кровати и причёсывала волосы полукруглым перламутровым гребешком.

– Ты куда в такую рань соскочила? – спросила она.

– На демонстрацию... забыла, что ли?

– Заспала, подумала, что апрель нынче.

Поля выбрала голубое платье, почти единственное, в котором себе нравилась, напудрилась, подвела чёрным школьным карандашом брови и тронула помадой губы. Взяла с вешалки плащ на случай холодного ветра.

Такое синее небо и такой сладкий воздух, как чай с мятой и сахаром, бывает только весной. Полина вдохнула полной грудью, задрала голову и посмотрела на берёзу, где посвистывал скворец возле скворечника: ти-ти-ти-фьюить-фьюить! Улыбнулась: ишь, как заливается!

– Поля, подожди! – окликнула Муся, подруга из соседнего дома. – Пойдём вместе!

Всё движение от Проспекта Сталина было перекрыто. Народ оживлённой толпой шёл к «Серпу и Молоту» – Дому культуры, возле которого были установлены трибуны. Полина всё оглядывалась, высматривала Кольку, но так и не заметила его. И спросила у Муси, собирались ли на демонстрацию её соседи Трифоновы.

– Конечно, а как же! Ещё вперёд меня ушли с дядей Никитой.

– И Коля?

– И Коля. А что?

– Ничего, – с показным равнодушием пожала плечами Поля.

Муся вдруг стала необычайно проницательной.

– А-а-а, поняла, почему ты спрашиваешь. Коля тебе нравится, он всем нравится. Но лучше о нём не думай, ничего хорошего не выйдет, только страдаешься, – вдруг ляпнула она.

– Почему это? – покраснела Поля. – Считаешь, что я ему не пара, что я уродина?

– Нет, ты очень милая, – заторопилась Муся, – но мать и бабка не разрешат ему жениться на тебе.

– Он взрослый, сам будет решать.

Муся замолчала, что-то обдумывая, потом сказала:

– У него ведь бабушка знахарка... ты знаешь? Вдруг что-то случится? Наколдует ещё...

– На каждую силу найдётся другая сила, – усмехнулась Поля, сузив глаза.

– Это ты о чём?

– Ни о чём, просто так сказала. Пойдём в колонну, вон наши строятся!

Во дворе накрывали вскладчину столы. Они стояли на детской площадке вплотную друг к другу, как на свадьбе, сверкали на скатерти бутылки с водкой и вином, кувшины с брагой и компотом из сушёных яблок. Принаряженные по случаю праздника соседки расставляли миски с холодцом, варёной картошкой и варениками, тарелки с селёдкой, посыпанной укропом и колечками лука; ливерную колбасу, бочковые огурцы, помидоры и капусту, засоленную

половинками кочанов. Нарезали пироги с разными начинками, среди которых обязательно был пирог с вареньем – для детей.

Наяривал на гармони безногий инвалид дядя Федя, кто-то из соседей принёс патефон и старые довоенные пластинки – значит, будут танцы! Поля заметила среди дымящихся на скамейке мужиков Николая и уже не спускала с него внимательных жадных глаз. Колька не курил, стоял рядом с отцом, засунув руки в карманы, и рассказывал что-то смешное, потому что в тесном кружке то и дело вспыхивал смех.

К Полине подошла мать, отвела в сторонку и велела зайти домой и принести булку хлеба из шкафчика и крутые яйца в кастрюльке. Поля сбегала, отыскала всё нужное, посмотрелась в зеркало и не удержалась – надела материны красные бусы.

Народ во дворе переместился ближе к ломившимся столам.

– Мужики, у нас всё готово! Тётя Маруся, Тося, садитесь... Полинка, ты чего стоишь как неродная?

Все шумно расселись. Подняли стопки за Первомай. Поля тоже выпила, и хмель ударил в голову. Она ела вареники с капустой и всё следила за Колей – жаль, что он выбрал место так далеко. Один раз Поле показалось, что ненаглядный посмотрел на неё, и в её душе расцвели розы. А может, он посмотрел на хохотушку Люську?

Кто-то завёл патефон, и на весь двор грянула «Рио-Рита».

– О-о-о, у нас танцы!

– Девчата, веселитесь, Первомай на дворе!

Полина вышла из-за стола и торопливо, чтобы её не опередила какая-нибудь вертихвостка, подошла к Николаю и выпалила, поражаясь собственной смелости:

– Кавалер, пригласите даму!

Испугалась и рассмеялась, чтобы в случае отказа обернуть всё в шутку. Но Коля тряхнул чубом, подхватил Полину и закружил в танце. Он очень хорошо вёл, и Поля озорно пристукивая каблучками, всё косилась на других парней и девчат и думала, что их с Колей пара лучше всех. Она млела и таяла от его близости, чувствовала горячую ладонь, смотрела в серо-голубые глаза, в которых вспыхивали искорки. Поле хотелось, чтобы Николай танцевал только с ней, но он приглашал всех девчат: и Зойку, и Люську-вертихвостку, и Мусю, и Киру.

Мать Коли, тётя Маруся, отложила вилку, расправила плечи и затянула звучным приятным голосом:

По Дону гуляет, по Дону гуляет,

По Дону гуляет казак молодой...

Песню подхватил её муж Никита, потом и остальные. Пели хорошо, Полина живо представляла несчастную девушку, которой цыганка нагадала смерть в день свадьбы.

Чья-то горячая рука легла на плечо Поли. Она обернулась: Николай!

– Пойдём! – сказал он на ушко.

Она, счастливая, и не подумала спрашивать, куда её зовут, поднялась и пошла. Да какая разница, хоть на край света... И в полутёмном подъезде пьянела от Колькиных губ и рук и шептала: «Коленька... милый... ненаглядный мой...»

– Матери дома нет... гуляет со всеми, – перевела дух Поля, – пойдём ко мне... если хочешь.

Поднялись по лестнице на последний этаж, она открыла комнату, пропустила Кольку вперёд и вошла сама. Заперла дверь на ключ, чтобы никто не помешал, бросилась к окну и задёрнула шторы – стало сумрачно.

Сердце часто колотилось: тук-тук-тук. Полина развязала поясок, ухватила крест-накрест платье, сняла его через голову и осталась в розовой комбинации с кружевами. Порадовалась,

что надела новую, красивую, как чувствовала. Резким, отчаянным движением спустила трусики, переступила через них.

Николай приблизился, подхватил Полю на руки и опустил на кровать.

...Встречи всегда проходили у Полины дома. Её мать ни слова против не говорила, даже когда Коля оставался ночевать. Рада-радешенька была, что у дочки наконец-то появился жених. Но какими же странными были эти свидания и эта любовь! Они никуда не ходили, как другие влюблённые пары: ни в кино, ни в театр, ни на танцы, ни в ДК. Николай забросил бокс и книги, разучился шутить и улыбаться.

– Коль, ты любишь меня? – спрашивала Поля, поглаживая его русые волосы.

Николай уклонялся от её руки, морщился, как от зубной боли:

– Не знаю, не спрашивай... Не понимаю, что происходит. Меня тянет к тебе, места себе не нахожу, никого вокруг не замечаю. Ноги сами к тебе ведут, как будто кто-то в спину толкает.

Сердце у Поли радостно трепыхнулось.

– Значит, любишь!

– Я как будто не я. – Колька закрыл лицо руками, потом резко поднялся, надел рубашку и стал застёгивать пуговицы.

– Ты куда? – приподнялась на локте Полина.

– Мне надо идти.

– Придёшь ещё?

– Не знаю...

«Всё наладится, – подумала Поля, – надо немного потерпеть».

В Старый город

Первой забила тревогу бабушка Прасковья: Кольку как подменили. Куда делся болтливый и ласковый внук и кто этот мрачный парень, подолгу смотрящий в одну точку? Не разговаривает ни с кем, молчит, мается. Наташка хнычет, просится к братику на ручки, теребит за штанину, а тот скосит глаза и молчит. Тренировки забросил, перчатки боксёрские на стене пылятся.

– Николаша, да что с тобой? – не выдержала Прасковья.

Колька вздрогнул, посмотрел глазами подранка:

– Ничего. Мне надо идти.

– На бокс?

– Я скоро... – Он нахлобучил кепку и выскользнул за порог.

– Ну вот куда он ходит, куда? – простонала бабушка. – Марусь, ты хоть спроси его.

– Ну куда-куда... К девчатам. Дело молодое, погулять хочется. Влюбился парень, – спокойно ответила Маруся.

Прасковья сердито махнула рукой:

– Не рассказывай мне про любовь! Раньше какой он был? А? Обнимет и поцелует... всё бабулечка да мамулечка. А сейчас? Ты слепая, что ль, Марусь? Как придёт, так сразу убегает, будто говном воняет дома. Где он ходит, где ночует?.. Нет, и не говори мне ничего, я чувствую: с Колькой беда.

Тревога не давала Прасковье покоя, и сердце ныло, ныло...

На другой день она надела выходную юбку и кофту, повязала белый платок и ушла, оставив Наташку на старшую внучку Валю. Путь предстоял неблизкий, аж в Старый город.

– Да что мне сделается, дойду... – бормотала Прасковья, – в Иерусалим пешком ходила, а в Старый город не дойду разве...

Она миновала длинный деревянный мост, обогнула рынок с прилавками, на которых торговки разложили парниковую редиску и пучки зелёного лука, и побрела по улице, застроенной частными домиками. Вот он, тот самый нужный дом с высоким цоколем, чтобы Урал в паводок не добрался.

Прасковья зашла во двор, поднялась на деревянное крыльцо. В сенях было сумрачно, прохладно, пахло солёными огурцами. Прасковья нащупала скобу в обивке двери и вошла в дом.

– Хозяева есть? – спросила она.

– Есть, входи. Ты, что ли, Прасковья?

– Я. Здравствуй, Шура.

Прасковья оказалась в небольшой кухне с печью-голландкой. На лавке – вёдра с чистой водой, накрытые фанерой. За столом сидела старушка в тёмном платье и платке, завязанном под подбородком.

– И тебе не хворать. А я знала, что кто-то придёт. Чайник поставила, – проскрипела она, указывая на шумящий примус. – Заходи... да не разувайся, оботри обувку и заходи.

Прасковья всё же разулась кряхтя, присела к столу.

– Из-за старшего внука пришла, вижу, – обронила хозяйка, мельком взглянув на бабушку.

– Ох, Шура, правду говоришь. Чую, что-то случилось с парнем.

– А сама не знаешь?

– Если б знала, так не пришла бы.

Шура долго молча смотрела поверх головы.

– Ну... что скажешь? – решила Прасковья, которую стала бить дрожь.

– Ничего хорошего, – тяжело вздохнула Александра. – Я не буду ходить вокруг да около, скажу всё, что вижу.

– Говори.

– Женщина сделала приворот на смерть. Если Коля с ней не будет, то он скоро умрёт.

Прасковья слабо охнула, кровь отлила от лица.

– Господи... да как же так... Николаша, внучек... – Она заплакала, слёзы катились по щекам и повисали на подбородке. – Шур, а может, ошибка?

Знахарке очень хотелось ответить, что ошибка, но врать среди своих было не принято.

– Нет, Параня, всё верно. Есть какая-то женщина, незамужняя, старше твоего внука лет на семь-восемь. Где-то неподалёку живёт. Влюбилась она, а Николаша на неё внимания не обращал. Она украла какую-то его вещь, рубашку или майку.

– Ох, а ведь недавно Маруся говорила, что Николашина рубашка пропала, – вспомнила Прасковья.

– Нашла она чёрную ведьму, не здесь, не в нашем Ромске, в какую-то деревню ездила. Женщина эта знает, что ты лечишь, – слухи-то ходят – и просила сделать так, чтобы снять приворот было нельзя. Опасается, что ты мешать станешь.

– Да не могу я кровным помогать, – простонала Прасковья. – Ох, Шура, дай воды...

– Она-то не знает про кровников. – Хозяйка поднялась и зачерпнула ковшом воды из ведра, налила в кружку.

Прасковья отпила несколько глотков, слыша, как стучат зубы о жёсть.

– Шура, я заплачу, всё отдам... помоги!

Та покачала головой:

– Сильная ведьма делала. Внуку твоему остался месяц, не больше. С этой стервой Коля жить не станет, не полюбит он её.

Прасковье показалось, что она умерла тут же, на этом старом табурете. Кружка упала, расплескав воду на полосатую дорожку.

– Да погоди, Парань, попробую я отсрочку сделать. Глядишь, за это время что-нибудь и...

Прасковья подняла заплаканные глаза, схватила Шуру за руку:

– Отсрочь, Шура, милая, отсрочь!

– Я покажу тебе её, – продолжила знахарка, – придёт соли просить. Не давай! Хоть как пусть просит, в ногах валяется – не давай! И своим скажи, что нельзя давать, иначе всё насмарку пойдёт, не будет никакой отсрочки. И виду не показывай, что знаешь, отговаривайся, как можешь. Получится – больше над Колей она власти иметь не будет. И как на духу говорю тебе: долго эта гадюка не проживёт. Накажут её за то, что натворила.

Обратный путь стал для Прасковьи длиннее в два раза. Нет, она не ругала матерными словами неизвестную женщину, приворожившую Колю, – Прасковья была набожна и никогда не сквернословила – плелась и подвывала тихонько. Кое-как добралась до дома, вошла в комнату и упала на стул.

– Николаша где?

– Ушёл опять, поел и ушёл, – ответила Маруся.

Прасковья отдышалась, выдвинула ящик стола, где хранились столовые приборы, взяла ножи и, подтащив табуретку, воткнула их за дверной косяк.

– Мамака, зачем ножи? А хлеб чем резать? – удивилась Маруся.

– Новые купишь, – сказала Прасковья и заплакала. – Плохие вести я принесла, дочка. Приворожила какая-то гадина нашего Николашу. На смерть сделала...

Маруся слушала и расширившимися глазами смотрела на маленькую Наташку, играющую с бельевыми прищепками на расстеленном одеяле. Трёх сыновей схоронила Маруся. Двое погодков умерли ещё до рождения Коли, а Лёшенька – и трёх лет не прошло.

– А вдруг ошибается твоя Шура? – наконец проговорила она.

– Да вот ещё ни разу не обманула. У меня тут огнём горит! – Прасковья ударила себя в грудь кулачком. – Я не вижу, как Александра, но чувствую, что это правда.

Вечером Полине нездоровилось. Раза два или три она сходила в уборную и выплеснула в унитаз всё, что было съедено.

– Забрюхатела, поди, от своего Кольки? – спросила мать и обмерла: в подоле принесёт девка!

Поля легла на кровать, отвернулась к стене с приколоченным ковриком.

– Не забрюхатела. Съела что-то.

– Вот я ему скажу, чтобы шёл и расписывался с тобой как положено! Раньше-то как было, сначала церковь, а потом любитеесь. А ты что? Зачем парню даёшь?

– Перестань, – простонала Полина, – ты сама рада была, к соседке ночевать уходила.

– Дак я думала, он замуж тебя возьмёт!

Мать всё ворчала про гулящую молодёжь и грозилась высказать всё Кольке, но тот не пришёл, чем удивил и огорчил обеих женщин.

Всю ночь Поле снились кошмары. Будто какая-то старушка бесцеремонно открыла дверь, подошла к кровати и принялась стучать согнутым пальцем по голове Поли.

– Что вам надо? – спросила та и оттолкнула чужую руку.

– Иди к Колькиной матери и проси соли, поняла?

«Глупость одна, – подумала Полина, просыпаясь, – какая соль? Зачем соль?» И утром – странное дело – соль всё не шла у неё из головы, будто старушка крепко вдолбила эту мысль. И Поля не выдержала, выскочила из дома в старом халате и побежала к Трифоновым.

...Маруся в тот день решила устроить уборку. Чистой тряпочкой помыла листья фикуса на окне, аккуратно вытерла пыль с мебели и большого приёмника. Муж Никита очень любил радиопостановки, садился и внимательно слушал, подперев кулаком щеку, шикал на детей, если они принимались шалить.

В комнату постучали. Маруся отвела тыльной стороной руки волосы со лба и крикнула:

– Заходите! Кто там?

Это была Полина. Но что за вид! В старом халате, глаза безумны, волосы всклокочены.

– Здравствуйте, тётя Маруся, – зачастила она, – соли одолжите?

Маруся насторожилась, вопросительно посмотрела на Прасковью, вязавшую носок у окна. Та чуть заметно кивнула: она! Пришла, как и говорила Александра. Значит, вот кто приворожил Николашу!

– Со-оли? – протянула Маруся и отложила тряпку. – Не могу дать, у самих мало. А у Дуси почему не попросила?

Ну в самом деле, странно идти за солью в соседний дом, легче взять у своих соседей или сходить в Файкин магазин – он под боком.

– Н-не знаю... кончилась соль у Дуси. Я к вам пришла.

– В гастроном сходи.

– А там перерыв на обед, – нашла Полина.

– Нет, не дам, самим мало, – скрестила руки на груди Маруся.

Поля не поверила, растерянно заморгала:

– Как не дадите? Я много не прошу, чуть-чуть надо.

– Ни крупиночки не могу дать.

– Вам что, жалко? – побледнела Полина. – Я верну, потом куплю и верну.

Прасковья замерла с вязанием в руках. Спица выпала из петель, тихо звякнула о пол.

– Иди домой, Поля, – сказала Прасковья.

– Я не могу уйти... не могу! Мне надо соли, дайте, умоляю!

Полине становилось всё хуже, по лицу пробежали судороги. Она протягивала дрожащие руки и повторяла: «Дайте соли! Дайте соли!» Марусе показалось, что Поля сошла с ума.

– Уходи, кто-нибудь другой даст.

– Я никуда не уйду, – затрясла головой Полина, – мне очень плохо, вы что, не видите... Господи, да люди вы или нет?! Я умру, если не дадите соли!

Она рухнула на стул возле стены, согнулась пополам, прижав руки к животу. Перепуганные Маруся и её мать переглянулись. Прасковья подошла и стала поднимать Полину, уговаривая уйти домой.

– Не тр-рогайте меня! – вырвалась та. Тяжело задышала, посмотрела злым взглядом: – Где дядя Никита? Позовите его!

– Нет его, он на работе, – через силу ответила Маруся. – Уходи, добром прошу.

– А Коля? Где Коля?! Пусть он даст мне...

– Ох, господи, нету Николаши, работает, – прошептала Прасковья, радуясь про себя, что внуки разбежались по своим делам.

В маленькой комнате захныкала Наташка – её разбудили громкие голоса.

– Наташенька! Наташа! Подойди к тётке Поле, я тебе конфетку дам, сладкую! – закричала Полина.

– С ума-то не сходи! – сердито оборвала Маруся.

– На коленях прошу, дайте! – Полина упала на колени и поползла, схватила Марусю за юбку. – Ведь я умру... дайте соли... Баба Параня, дайте! Пожалейте меня!

Маруся вырвала подол, отошла к окну. Поля разрыдалась. Страшная, растерзанная, с безумным взглядом она ползала по полу, пыталась целовать ноги Прасковье и Марусе, мочила слюнями и слезами подолы их юбок.

– Умоляю, вы же не фашисты... пощадите!

«Ты моего Колю не пожалела! – ожесточилась Маруся. – Жаль, что нельзя высказать всё этой гадине!»

– Но почему... почему вы не хотите дать соли... – плакала Полина. – Я килограмм верну... Мешок! За щепотку мешок!

Она умоляла, унижалась и всё повторяла, что умрёт, если не получит соли. А потом поняла, что разжалобить хозяек невозможно, поднялась и шаткой походкой побрела к выходу.

Маруся бросилась к двери и накинула крючок:

– Страх-то какой!

Прасковья посмотрела на иконы под белым рушником с горящей лампадкой, перекрестилась и прошептала:

– Господи помилуй! Первый раз такое вижу. Теперь Николаше должно полегчать.

– А может, и отсрочка длинной будет, как думаешь? – спросила Маруся. – Вдруг Коля детей вырастит и внуков ещё понянчит, а, мам?

– Дай-то Бог! Я в церкву пойду, свечи поставлю.

Вечером вернулись домой Никита с Николаем. Коля повесил на крючок кепку и вошёл в комнату.

– Наташа! Угадай, что я принёс?

– Конфетки! – запищала Наташка, бросаясь к братику, вытащила из кармана кулёчек карамели.

Маруся засуетилась, начала накрывать стол. Присела рядом и украдкой следила, как ест сын.

«Кажется, отпустило его, – с облегчением сказала она себе, – не мечется больше».

Впервые за много дней Николай после ужина устроился на диване с гитарой, тихо перебирал струны.

Через год Трифоновы переехали в отстроенный дом по улице Киевской и потеряли Полю из виду. Ещё через несколько лет до них дошли слухи, что Полина умерла. Ни мать, ни бабушка не стали выпытывать, отчего скончалась их бывшая соседка. Умерла и умерла. Заслужила.

Татка и её проказы

Новый дом по сравнению с прежней квартирой был настоящим дворцом, просторным и светлым. В самую большую комнату переехал материн фикус, стол с венскими стульями и отцовский приёмник «Рекорд». Теперь у каждого была отдельная железная кровать с никелированными спинками, и мать строго следила, чтобы мальчишки не лентяйничали, аккуратно застилали постели покрывалами.

Николай остался жить в квартире на проспекте Сталина: оттуда до работы добираться было удобнее и быстрее. После смены он приезжал к родителям, ел мамкин борщ и отдыхал, а ночевать отправлялся к себе.

Кому было в доме особенно хорошо, так это Наташке. Для игр ей отдали чулан, где стояли стеллажи с банками варенья и кое-каким запасом круп, муки и сахара. В комнате имелось окно и чистые крашенные полы, чуланом её называли для простоты. Мать постелила на пол старое одеяло вместо ковра, Наташа красиво расставила пупсиков и резиновых собачек. Далеко не каждая девчонка могла похвалиться своей собственной игровой комнатой!

В первые же дни Наташка познакомилась с соседками, сёстрами по фамилии Агаповы. Старшую сестру, Наташкину ровесницу, звали Марийкой, младшую – Ирой, ей было три года. Обе были худенькими, с ободранными коленками и короткими каштановыми кудрями.

Эти кудри не давали Наташке покоя. Вот если бы у неё были такие, не приходилось бы каждое утро подолгу ждать, пока мать расчешет ей волосы и заплетёт в косу. Как удобно: причесала пятернёй – и красавица!

Наташка с недоумением, выпятив от обиды нижнюю губу, смотрела на братьев, кудрявых, как молодые барашки. Зачем мальчишкам такая роскошь, им можно и с лысиной ходить, как соседу дяде Пете. Она даже предлагала Борьке поменяться, но брат только рассмеялся.

– Пап, почему у Бори и Вити такие волосы? – спросила Наташка.

Отец улыбнулся, пригладил тёмные кудри:

– Это я им дал.

– А мне почему не дал?

– Я давал, ты не брала.

Наташка не поверила. Обманывает папа, ничего он не предлагал!

Татка заскучала. Послониалась по дому и подошла к матери, которая у окна что-то строчила на ручной швейной машинке. Очень красивая была машинка, чёрная с жёлтыми узорами и матерчатой манжеткой с торчащими булавками. Блестящее колесо крутилось, иголка мельтешила, оставляя на ткани ровную строчку.

– Мам, а что ты шьёшь?

– Трусики тебе. Вот вторые дошиваю, в магазинах-то днём с огнём не найдёшь...

Наташка взяла со стола готовые коричневые трусики и сунула потихоньку в карман для подружки Марийки. Та недавно сказала: «Ты такая богатая, вон у тебя сколько трусов! А у меня одни. Вечером мамка стирает, утром даёт». Что это за жизнь, когда у человека одни трусы? Вообще никакой жизни...

– Мам, можно погулять? – спросила Наташка, невинно глядя тёмно-карими глазами.

Мать ответила, не отрываясь от шитья:

– Иди, но с улицы ни ногой, а то прибью.

Наташка и без наказов никуда с улицы не ушла бы, здесь столько всего интересного! Вот, например, вчера приехал экскаватор и выкопал глубокую яму под колодец для колонки. Сначала это была обыкновенная яма, в которую можно было кидать комки глины и камешки, а сегодня она заполнилась грунтовой водой, и сразу стало вдвойне интереснее.

Подожли сёстры Агаповы, заглянули в яму. Марийка бесстрашно села на край и свесила ноги.

– Сколько водички!

– Ага, много, – поддакнула Наташка и присела рядом.

– А давайте прыгнем! – обрадовалась Иришка. И не дожидаясь согласия, скинула платье, разбежалась и бултыхнулась в колодец.

– Ну как? – спросила Марийка, когда сестрёнкина голова появилась над водой.

Ирка захлёбывалась, пыталась уцепиться за скользкие глинистые края. Девочки не поняли, что Ира тонет: она не кричала, только ныряла и пускала пузыри. И был бы этот день для неё последним, если бы не соседка, которая возвращалась из магазина с хозяйственной сумкой.

– А ну-ка кыш отсюда! Свалиться захотели? – шугнула она подружек.

Марийка сказала, хлопая ресницами:

– Там Ира!

– Чего ты болтаешь?

Соседка заглянула в яму и вскрикнула. Она бухнулась на колени, не обращая внимания на то, что светлое платье испачкалось глиной, и попыталась вытащить Ирку. Да где там – глубоко!

– Сейчас, я сейчас... палку надо... – пробормотала соседка, озираясь по сторонам в поисках палки, но ничего подходящего не нашла. Подхватила и что было сил побежала к дому Агаповых.

Тётя Даша, мать девочек, в это время стирала во дворе бельё, пристроив на крыльце корыто со стиральной доской. Услышала крики, подняла раскрасневшееся от пара лицо.

– Ой, Дарья! Твоя Ирка в колодце тонет!

– Где?! Господи!

Тётя Даша сорвалась, не помня себя, побежала на улицу с полотенцем в руках. Этим длинным рушником она и вытащила дочку. Ирка ухватилась за брошенный конец и сумела выкарабкаться из колодца.

Тётя Даша прижала к себе мокрую дрожащую девчонку, запричитала со слезами:

– Боже мой... ты упала, Ирочка?

Ирка замотала головой, тётя Даша перестала плакать и посмотрела на Марийку и Наташку таким взглядом, что обеим стало холодно. Плохо быть старшей, старшим достаётся вдвойне: и за свои проделки, и за шалости младших. Не уследила – получай!

Марийка попятилась.

– А ну стой! – сказала тётя Даша и быстро отшлёпала Марийку по спине и заду мокрым полотенцем.

– Она сама пры-ы-ыгнула! – ревела Марийка и всё косилась на Татку: ей-то везёт, не побили!

Но очень скоро Наташке тоже влетело. Тётя Даша прибежала к Трифоновым и нажаловалась: «Чуть не утопили мне девчонку!»

Магазин назывался «Продукты», даже вывеска с надписью была, но все говорили – Цыганский, потому что рядом жили цыгане.

Бабушка сняла длинный фартук, взяла сумку и пересчитала деньги в кошельке.

– Бабака, ты куда? – выглянула из чулана Наташка.

– В магазин пойду, дождь вроде кончился. Хлеба куплю да колбаски... масла постного.

– И я с тобой!

– Ить устанешь! На руках тебя не поташу, тяжело бабаке.

– Я большая!

Идти до магазина не так уж и близко, минут двадцать, если не торопиться. Бабушка с внучкой шагали по улице, на которой тут и там строились частные домики. Наташка вертела головой и заметила, как незнакомый дядька затыкает щели между стеной и оконной рамой яркими, очень красивыми лоскутками. Да как же можно портить такие чудесные тряпочки! Надо с Марийкой прибежать сюда, когда никого не будет, и взять немного лоскутков пупсикам на пелёнки.

Бабушка крепко взяла Наташку за руку, и они прошли по мостику через овраг с бурным ручьём, очень холодным от бьющих из-под земли ключей.

В небольшом магазине толпился народ, было влажно и душно. Наташка потолкалась возле витрины. Ливерка, масло, колбасный сыр – ничего интересного.

– Бабака, мне жарко... – заныла Татка.

– Ну иди посиди на лавочке, – разрешила бабушка, – только никуда не девайся!

Наташка вышла на улицу и села на деревянную скамейку.

Возле магазина стоял большой синий грузовик, все колёса у него были облеплены грязью. Наташка сползла с лавки, забралась под кузов и, высунув от усердия язык, принялась веточкой вычищать грязь из протекторов. Она не заметила, как с буханкой хлеба под мышкой вышел из магазина какой-то человек, открыл машину, уселся на сиденье и хлопнул дверью.

Зарывавший мотор испугал Наташку, но вместо того чтобы завопить и выскочить, она осталась сидеть на корточках под машиной. Двигатель тарахтел, Татка морщилась от вонючих выхлопов, но не вылезала.

Вдруг совсем близко от неё появились ноги в коричневые ботинках, а потом побелевшее лицо с круглыми глазами – это водитель спрыгнул на землю.

– Ох... мать!

Руки у дядьки затряслись, как будто ему стало холодно. Он вытащил Наташку из-под машины, поднял в воздух и опустил на сиденье.

– Вся жизнь перед глазами пронеслась, – сказал водитель, утирая лоб. Достал помятую пачку папирос, закурил, выдохнул облачко табачного дыма. – Как тебя зовут?

– Татка.

– Чуть в гроб ты меня не загнала, Татка!

Хлопнула дверь, и машина отъехала от обочины. Наташка была в восторге: первый раз посчастливилось прокатиться на машине! Она удобно устроилась на кожаном сиденье и гладела на приборчики за стеклянными окошками, похожими на часы. В машине было всё очень красивым: руль чёрный и большой, как колесо велосипеда, блестящие ручки, зеркало за окном, в которое она видела своё маленькое вытянутое лицо.

Водитель всё ещё не мог прийти в себя и молчал, Наташка смотрела в окно на мелькающие дома и семенящих по тротуару людей.

– Ты чего под машиной делала? – спросил дядька.

– Узорчики на колесе чистила. Они были грязные, а теперь чистые.

– Ты есть хочешь, Татка?

– Нет.

– А пирожок или мороженое?

От мороженого никто не отказался бы. Наташка кивнула.

Прасковья вышла на крыльцо с полной сумкой – на лавке никого не было. Она ещё не успела испугаться, огляделась по сторонам, зашла за угол магазина.

– Татка! Ты где? – позвала Прасковья.

В ответ лишь молчание. Страх ударил ей в ноги, она присела на скамейку, где ещё недавно сидела Татка. Где искать внучку? Она не могла далеко уйти, маленькая ведь, четыре годка всего. Убежала за котёнком или птичкой и сейчас обязательно появится.

Прасковья поднялась, охая, и засеменила по дороге. Она останавливала прохожих и спрашивала, не встречалась ли им девочка в синем платье с оборочками. Прохожие сочувственно пожимали плечами: Наташку никто не видел.

У Прасковьи сердце оборвалось.

«Наверно, домой пошла, – подумала она и заторопилась обратно, – заскучала, замаялась...»

Во дворе Наташки не было. Прасковья прошла в летнюю кухню, где Маруся резала овощи для окрошки, и спросила, едва переводя дух:

– Татка дома?

Маруся так и застыла: в одной руке редиска, в другой – нож.

– Да ведь она в магазин с тобой пошла.

– Ох... потеряла я девчонку... – заплакала Прасковья.

– Боря, Валя! Наташка потерялась! Идём искать!

Подняли соседей, все вместе искали во дворах, у магазина и на кладбище, находившемся неподалёку. Прошли вдоль оврага, где после дождя бурлил ручей: вдруг Наташка в воду упала?

Наконец кое-что прояснилось. Одна женщина с соседней улицы вспомнила, что видела девочку, которую вытащил из-под машины какой-то мужчина, наверно, отец.

– А потом что было?

Женщина ответила, что отец посадил дочку в машину и увёз.

Прасковья задумалась, потом сказала, прикладывая платочек к глазам:

– Вернусь-ка я ещё раз к Цыганскому.

Предчувствие не обмануло её: живая и здоровая Наташка сидела на лавке, болтала ногами и сосала леденец на палочке.

Увидела Прасковью, обрадовалась:

– А дядя Лёша меня на машине катал. Долго! И пирожок с мясом купил... и ещё водичку шипучую, сладкую.

Прасковья плакала и целовала Наташку, потом вспомнила пережитый страх и пригрозила:

– Я тебя на привязи буду водить, как козу! Что за дядька?

– Не знаю...

Дома Наташку поругали для порядка, чтобы на ус намотала, и стали допытываться: что за дядя Лёша? Откуда он взялся и зачем катал на машине? Татка начала сбивчиво объяснять.

Маруся с Никитой решили, что водитель испугался и перестал соображать, потом опомнился и привёз Татку к магазину.

– Ангел-хранитель спас, – сказала Прасковья.

Теперь, когда она брала младшенькую внучку с собой, то завязывала на Наташкиной талии верёвку и цепляла конец к своей юбке. Никита увидел это и смастерил прочный, застёгивающийся на поясе ремешок с поводком.

За Таткой нужен был глаз да глаз, она не давала ни минуты покоя своему хранителю.

Однажды мать взяла Наташку с собой в гости, навестить бывших соседей по квартире, Ведерниковых. Татке в гостях было скучно. Сначала она смиренно листала книжку с картинками, потом заскучала, сползла потихоньку с дивана и вышла в коридор.

Кухня была пуста. На электроплитке булькал суп, на столе лежала забытая кем-то щербатая вилка с двумя отломанными посередке зубьями. Наташка взяла её, повертела в руках и тут заметила на стене чёрную розетку с двумя дырочками. Стало понятно, что эта гнутая вилка и розетка созданы друг для друга.

Острая боль пронзила Наташку. Она хотела отдёрнуть руку, но не смогла, пальцы были как чужие и не слушались, а в следующее мгновение какая-то сила отшвырнула Татку на пол. Она завопила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.